
Промышленные рабочие России в 1917 г.: подходы к «социалистической» революции

Михаил Фельдман

Industrial workers of Russia in 1917: some approaches to the «socialist» revolution

*Michael Feldman (Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ekaterinburg branch)*

Историки, которые станут готовить публикации, приуроченные к «двухсотлетию Октябрьской революции», наверняка изумятся тому, как в короткий срок (конец 1980-х — начало 1990-х гг.) люди, прославлявшие «гегемона революции», не просто изменили свои взгляды, но даже вовсе перестали упоминать о какой-либо роли рабочих в событиях 1917 г. Более того, стали адептами теории «заговора либералов», якобы определившего весь ход революционного процесса¹. Впрочем, гадать, что будет спустя сто лет, — занятие неблагодарное, куда легче соскользнуть на столетие назад.

Гигантский пласт советской историографии оставил мифологическую парадигму «закономерности Октябрьской революции», «руководящей роли рабочего класса», «научности действий партии большевиков» и иных такого рода концептов. Причём мифы, тем более столь длительный срок внушавшиеся на всех информационных уровнях, не исчезают под давлением критики, а трансформируются в новые, не менее далёкие от научности конструкции.

Каким же был в реальности сконструированный в трудах марксистских идеологов и повторённый в монографиях и статьях советских историков «рабочий класс» нашей страны в 1917 г.? Какую роль сыграли промышленные рабочие в революции, десятилетиями называвшейся «пролетарской»? Сопоставление «идеального типа», мысленного конструкта и конкретного исторического материала — нелёгкий и зачастую опасный путь. Но по нему шли настоящие учёные советской эпохи. Попробуем продолжить.

Сравнение с историей промышленного переворота за рубежом² подводит к выводу о специфике нашей страны: в силу её огромной территории индустриализация могла носить только «островной», локальный характер, а техническая революция шла волнообразно. К 1914 г. о завершении промышленного переворота можно говорить применительно только к небольшому кругу «передовых» регионов — Петербург, Юг, Польша, Прибалтика, Центральный Промышленный район (ЦПР) и некоторые предприятия других провинций империи. В остальных же этот процесс пришёлся уже на 1920–1930-е гг.³

© 2017 г. М.А. Фельдман

¹ См., например: Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011.

² См.: «Круглый стол» Промышленный переворот и его социально-экономические последствия // Новая и новейшая история. 1984. № 2. С. 70–92.

³ См.: Соловьёва А.М. Промышленная революция в XIX в. М., 1990; Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е годы XX в.). М., 1994.

Марксистской парадигме, говорящей о пролетариате «как о самом передовом, революционном классе, как ведущей социальной силе, способной сокрушить твердыни капитала, совершить социалистическую революцию»⁴, противоречат основные характеристики социума промышленных рабочих России. Сам В.И. Ленин отмечал его глубокую внутреннюю неоднородность, недостаточные численность, сознательность и организованность⁵. Красно-речиво описаны им текстильщики, «количество которых в России в 1905 г. более чем в два с половиной раза превышало количество металлистов», но которые «представляют самую отсталую, хуже всех других оплачиваемую массу, которая часто ещё не порвала окончательно своей связи со своей крестьянской роднёй в деревне»⁶. Фактически отмечается переходный характер крупнейшего по численности отраслевого отряда промышленных рабочих России.

В свете этого представляется необходимым рассмотреть в сжатом виде характеристики российского рабочего социума в наиболее значимых плоскостях: работа на современных предприятиях, подразумевающая занятость индустриальным трудом; принадлежность к кадровым рабочим; условия труда; образовательный и профессиональный уровень; социальные корни; имущественные права.

Характер индустриализации, специфика «промышленного переворота» в России не могли не сказаться на параметрах слоя индустриальных рабочих. В советский период исследователи-профессионалы привыкли высказываться по этому вопросу с максимальной деликатностью: опираясь на статистику, не следовало забывать и про идеологические каноны. Так, в монографии, написанной на основе изучения анкетных обследований Министерства промышленности и торговли июня 1914 г. и июня 1916 г., отмечалось, что в России можно выделить тонкий слой высококвалифицированных рабочих (1.1%); значительный слой рабочих средней квалификации (более 35%); и большое количество (более 60%) малоквалифицированных и неквалифицированных, плохо оплачиваемых рабочих⁷. Однако выход на суждение о преобладании последних в составе рабочего социума отсутствовал, поскольку даже в 1987 г. мог дорого стоить автору.

Изучение результатов переписи 1918 г. позволило прийти к аналогичным выводам. В рабочем классе выделялись две противоположные группы: наиболее развитая часть, состоявшая из квалифицированных рабочих крупных предприятий (примерно $\frac{1}{3}$ всех рабочих), и группа неквалифицированных, низко оплачиваемых, частично — временных, сезонных рабочих (приблизительно $\frac{1}{4}$). Как вытекает из дальнейшего текста, большинство промежуточного слоя (оставшиеся примерно $\frac{2}{5}$ пролетариата страны) составляли малоквалифицированные рабочие⁸.

Иванова Н.А. Промышленный центр России. 1907—1914 гг. Социально-экономическое исследование. М., 1995; *Воронкова С.В.* Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М., 1996; и др.

⁴ История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 1. Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите её завоеваний. М., 1984. С. 21.

⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 31. С. 157.

⁶ Там же. Т. 30. С. 314.

⁷ Иванова Н.А. Структура рабочего класса России 1910—1914 гг. М., 1987. С. 137.

⁸ Соколов А.К. Рабочий класс и революционные изменения в социальной структуре. М., 1987. С. 119.

Приведённые данные свидетельствуют о том, что к началу Первой мировой войны среди промышленных рабочих России существовал слой численностью примерно в 1 млн человек, который может быть отнесён (с рядом существенных оговорок, например, в зависимости от механизации производства) к разряду индустриальных рабочих. В иной плоскости находились почти две трети рабочих — мало- и неквалифицированных, низкооплачиваемых.

При этом столица Российской империи по индустриальному развитию заметно отличалась от провинций, во-первых, сосредоточением крупных современных заводов, во-вторых, концентрацией ведущих машиностроительных и механических предприятий. Характерно, что почти пятая часть (17,5%) металлистов Европейской России трудилась в Петербургской губ. В-третьих, там была выше энерговооружённость промышленных рабочих, и наконец, располагались два важнейших центра: власть (общегосударственные учреждения) и крупнейшие банки, что позволяло проводить постоянную модернизацию производства в первую очередь на заводах и фабриках Петербурга⁹. В итоге по степени вовлечённости в индустриальный труд пролетарии столицы существенно отличались от рабочих всей страны в целом.

По материалам опроса членов союза металлистов в 1908 г. выяснилось, что 38,7% металлистов Петербурга работали на одном месте свыше 5 лет, а 12,9% — свыше 10 лет¹⁰. Иными словами, на современных заводах столицы к началу войны примерно половина пролетариев по стажу относились к разряду кадровых. Питерские рабочие заметно выделялись в лучшую сторону и по уровню образования, и по уровню квалификации¹¹. Тогда чем можно объяснить их повышенную политизацию? Ведь в 1905 г., в июле 1914 г. и дважды в 1917 г. определённая часть питерских пролетариев инициировала политические забастовки. Очевидно, что перед нами феномен особого социума в рабочей среде.

В начале XX в. только 34,4% рабочих обрабатывающей промышленности и 7,9% горной индустрии трудились на предприятиях, размещённых в городах¹², а три четверти российского пролетариата (примерно 73%) были размещены в заводских посёлках и фабричных сёлах. Приоритет в этом плане принадлежал Уралу, где 90% рабочих трудились на предприятиях, размещённых вне городов (данные 1902 г.)¹³. Новым рабочим — выходцам из деревни — вообще было легче приспособиться к работе на индустриальном производстве, если оно располагалось в посёлке или в сельской местности.

Такой вывод подкрепляется и тем, что более половины пролетариев России к началу XX в. составляли рабочие переходного типа, «рабочие с наделом», переставшие быть земледельцами, но «остающиеся владельцами наделных земельных участков, стремившимися из последних сил поддержать

⁹ Крузе Э.Э. Положение рабочего класса России в 1900—1914 гг. Л., 1976. С. 142—143.

¹⁰ Там же. С. 145.

¹¹ Иванова Н.А. Структура рабочего класса России... С. 139, 145—146.

¹² См.: Погосев А.В. Учёт численности и состав рабочих в России: материалы по статистике труда. СПб., 1906. С. 59; Серый Ю.И. К вопросу об особенностях формирования рабочих в различных районах России // Рабочие России в эпоху капитализма: сравнительный порайонный анализ. Ростов н/Д, 1972. С. 23—25.

¹³ Угаров И.Ф. Численность и отраслевой состав пролетариата России в 1900 и 1908 гг. (Сравнительный анализ данных переписей) // Вопросы источниковедения истории первой русской революции. М., 1977. С. 197.

свое падальщее хозяйство»¹⁴. Принципиально иная картина наблюдалась в столице. В Петербургской губ. 84% рабочих трудились на предприятиях её центра и лишь 16.5% имели связь с деревней, причём только 7.6% вели своё хозяйство¹⁵.

Рассматриваемый период характеризовался не только процессом ослабления связи рабочих с землёй. Следует помнить как о значительном росте земельных владений у рабочих Урала в 1893—1917 гг.¹⁶ и широком распространении земельных участков у рабочих России вообще¹⁷, но и понимать закономерность этого процесса в аграрно-индустриальной стране с преобладанием аграрного строя. Наконец, не следует забывать и о значении земельного участка на обширных малоплодородных пространствах с суровым климатом. Сохранение участка земли позволяло вчерашним крестьянам, перешедшим на производство, «создавать систему общественных связей, которая сглаживала их дезорганизацию и склонность к нарушению закона, поскольку у новых рабочих было меньше мотивов взять на себя риск забастовок, чем у тех, чьё будущее было связано только с городом»¹⁸.

Можно определить параметры массива рабочих — владельцев земли. На Урале в конце XIX в. 71.3% рабочих имели земельные участки (свыше 0.5 десятины)¹⁹. К 1917 г., несмотря на рост численности горнозаводского населения и дробление семей, эти показатели практически не изменились²⁰. Статистические материалы позволяют сделать вывод о типичности картины связи рабочих с землёй также в Центральном промышленном и Центральном земледельческом районах, где к 1914 г. доля рабочих, имевших земельные наделы, превышала 40%²¹. Примерно треть рабочих России имела прочные хозяйственные связи с деревней, около четверти их — личные (родственные) связи, а более пятой части «пролетариев» сами обрабатывали землю, являясь полурабочими-полукрестьянами. Это обстоятельство свидетельствовало о наличии прочной социально-психологической базы влияния крестьянских традиций на образ жизни и менталитет рабочей среды²².

Заметим, что уход из деревни имел не только положительные последствия. Путь от крестьянина к индустриальному рабочему был долгим, но в силу разрыва с таким устойчивым социокультурным институтом, как крестьянская

¹⁴ Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда и формирование пролетариата в России // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861—1917. М., 1966. С. 77.

¹⁵ Крузе Э.Э. Указ. соч. С. 144.

¹⁶ См.: Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск, 1996. С. 194—201.

¹⁷ Бюджеты рабочих и служащих. Вып. 1. Бюджет рабочей семьи в 1922—1927 гг. М., 1928. С. 22.

¹⁸ Эктон Э. Новый взгляд на русскую революцию // Отечественная история. 1997. № 5. С. 74.

¹⁹ См.: Сигов В.П. Некоторые данные для характеристики землевладельческого хозяйства горнозаводского населения Урала // Наёмный труд в сельском хозяйстве Урала. Свердловск, 1926. С. 175—176.

²⁰ См.: Алеврас Н.Н. Указ. соч. С. 194—201, 209; Фельдман М.А. Рабочие Урала в 1914—1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 106—107.

²¹ Рабочий класс в России 1907—1917 гг. М., 1982. С. 62.

²² Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2005. С. 119.

община, нередко это был путь не приобретения, а потери многих человеческих достоинств²³.

В качестве ещё одной важной особенности стоит отметить преобладание рабочих — владельцев собственных домов в Центральном чернозёмном районе и на Урале. Однако статистика свидетельствует о наличии значительного массива таковых и по России в целом. Не только более половины (51.5%) рабочих Центрального чернозёмного района и почти 40% рабочих Вятской губ., но и 29.8% рабочих Центрального промышленного района (в том числе 44.3% в Нижегородской, 50.7% в Иваново-Вознесенской губерниях), 27.5% в Среднем и Нижнем Поволжье, примерно треть в Белоруссии; 59% всех горно- и фабрично-заводских рабочих Урала проживали в собственных домах или домах своей семьи, что, среди прочего, позволяло восстановить силы после изнурительного труда на промышленных предприятиях. Принципиально иным полюсом выступали рабочие Петербурга, из которых только 1.7% жили в своих домах, а основная масса (89.5%) оплачивала жильё из зарплат²⁴.

Резюмируем: в большинстве случаев в провинции переход вчерашних крестьян и полукрестьян в разряд индустриальных рабочих носил относительно сглаженный характер за счёт собственного жилья, земельных участков, сохранения привычного уклада жизни в заводских посёлках.

Совсем другая картина прослеживалась в Петербурге и новых индустриальных центрах. Согласно результатам столичной городской переписи 1900 г., лишь 18% рабочих называли себя потомственными; 82% являлись рабочими в первом поколении²⁵. В 1902 г. пришло рабочих насчитывалось уже 90% (впрочем, в их число не попали или попали частично выходцы из Петербургской губ.²⁶). Это объяснялось тем, что в столичном регионе треть всех предприятий, существовавших к 1902 г., возникла в 1891—1900 гг. Та же группа предприятий отличалась стремительным ростом производственных мощностей в последнем десятилетии XIX в.²⁷

Городская перепись 1912 г. указала на наличие всего 10.1% фабрично-заводских рабочих, родившихся в Москве. Среди занятых в металлообработке этот показатель повышался, но незначительно — до 12.7%²⁸. На сопоставимость удельного веса пришло в 1902 г. в Питере и Москве — 90 и 90.5% — обратила внимание Н.А. Иванова²⁹. Даже с учётом того, что часть пришло составляли выходцы из городов и рабочих посёлков, приведённые факты указывают на молодость, неустоявшийся состав и социальный облик значительной части пролетариата Петербурга и Москвы.

Абсолютное большинство столичных рабочих проживало на площади 3 м² и менее. 10—30% их квартир размещались в подвалах и полуподвалах, от 1/6 до 1/3 всех помещений были холодными³⁰. В большинстве случаев в подобных

²³ См.: Михайлов Н.В. Самоорганизация трудовых коллективов и психология российских рабочих в начале XX в. // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861—1917. СПб., 1997. С. 153.

²⁴ Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX в. — начало XX в.). М., 1979. С. 230—232.

²⁵ Иванов Л.М. Преемственность фабрично-заводского труда... С. 81.

²⁶ Погосев А.В. Учёт численности и состав рабочих в России... С. 92, 95.

²⁷ Крузе Э.Э. Указ. соч. С. 142.

²⁸ Там же. С. 114. Данные по рабочим, проживавшим в Москве более 10 лет, — за 1902 г.

²⁹ Иванова Н.А. Промышленный центр России... С. 243.

³⁰ Кирьянов Ю.И. Указ. соч. С. 245, 249.

жилищах рабочие не успевали восстановить свои силы. Панорамная картина жилищно-бытовых условий подводит к выводу: внутри массива рабочих промышленности России сосуществовали два социальных слоя: собственники и пролетарии³¹.

Отмеченные особенности российских и столичных рабочих не могли не отразиться на семейном положении пролетариев. В конце XIX в. из 241 514 рабочих-мужчин Петербурга 200 076 (82.3%) проживали одиноко и вне семьи. Аналогичная картина была и у женщин-работниц — 34 399 из 41 412 пролетарок (85.8%)³². В столицу пришла масса новых рабочих, оставивших семьи на родине, и поэтому процент семейных, живших в своих семьях, среди текстильщиков составлял всего 8%, а среди металлистов — около 10³³.

Принципиально иной была картина на Урале. Так, в Пермской губ. удельный вес одиноких рабочих составлял менее $\frac{1}{3}$ всех промышленных рабочих; ещё ниже — примерно $\frac{1}{4}$ — был указанный показатель в остальных губерниях региона³⁴. Между тем проживание рабочего вне семьи во многом формировало круг интересов, манеры поведения и отношения к окружающим, определяло меньшую психологическую устойчивость, большую склонность к радикальным действиям.

Безотносительно к конкретному политическому режиму индустриализация сопровождалась многочисленными издержками. Так, в фабрично-заводской промышленности России стремительно росло число несчастных случаев: с 14.6 на 1 тыс. рабочих в 1901 г. до 45.8 в 1912 г. При этом полную или частичную инвалидность повлекли за собой 170 из 1 тыс. несчастных случаев в 1901 г. и 240 в 1908 г.³⁵ Негуманный характер ранней индустриализации проявился в том, что в среднем по российской цензовой промышленности, несмотря на рост механизации производственных процессов, потери рабочего времени в год на одного человека были примерно равными: в 1885 г., 1904 г., 1913 г. они составляли 19 дней, в том числе по болезням — 8³⁶. В среднем по России в 1913 г. расходы на медицинское обслуживание одного рабочего промышленности составляли 62% минимальной нормы³⁷. Закономерно, что более 10 лет в промышленности трудились только 25–33% рабочих России. Наиболее значительным контингентом рабочих по продолжительности стажа были те, кто трудился на заводах и фабриках от 3 до 10 лет (25–50%)³⁸.

Парадокс: рабочие передовых по меркам начала XX в. предприятий столиц и Юга России оказались в намного более трудных жизненных условиях, нежели большинство прочих пролетариев страны. Такая ситуация, усугублённая концентрацией богатства и элементов европеизированной культуры в столице, затрудняла эволюционный процесс превращения «пришлых» рабочих в городских жителей, делала психологически более сложным приспособление

³¹ См.: *Постников С.П., Фельдман М.А.* Социокультурный облик рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 120–126.

³² Подсчитано по: Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. 64–65 (табл. 2).

³³ *Крузе Э.Э.* Указ. соч. С. 141, 143.

³⁴ Подсчитано по: Численность и состав рабочих в России на основании данных Первой Всеобщей переписи населения... С. 56–57.

³⁵ *Бейлихис Г.А.* Очерки истории охраны труда и здоровья рабочих СССР. М., 1971. С. 45.

³⁶ *Миронов Б.Н.* Отношение к труду в дореволюционной России // Социс. 2001. № 10. С. 103.

³⁷ Горный журнал. 1916. № 7–8. С. 117, 139.

³⁸ *Иванова Н.А.* Структура рабочего класса России... С. 133.

к заводской жизни. На предприятиях оказался массив обездоленных, мало- и неграмотных людей. Пришлым рабочим было сложнее разорвать связи с деревней: от их заработка зависела судьба оставленных домочадцев. В этой связи вывод о том, что менталитет и облик рабочих России в первые годы XX в. находились в стадии ломки старых и утверждения новых представлений³⁹, прежде всего должен быть отнесён к пролетариату Петербурга.

Сам рабочий социум в общей массе населения был относительно невелик: рабочие ценовой промышленности (без учёта членов семей) составляли в 1913 г. 2,7%⁴⁰. Более того, в городах (за исключением столиц) обитали, как правило, рабочие немногочисленных коллективов предприятий лёгкой и пищевой отраслей. Рабочие крупной промышленности преимущественно размещались в заводских посёлках, численность населения которых нередко превышала городское население.

Поскольку среди жителей заводских поселков на протяжении ряда поколений преобладали местные мастеровые, т.е. выходцы из семей рабочих, представляется возможным говорить о формировании промежуточного слоя рабочих, которому больше подходит определение «полугорожанин-полуселянин», чем «полурабочий-полукрестьянин». Правда, предложенное определение носит собирательный характер и его конкретное раскрытие зависит от степени урбанизации посёлка, ведомственной принадлежности и технологической оснащённости предприятия.

Обратившись к сравнению с Германией, отметим, что в 1907 г. в её крупных городах (с населением более 100 тыс. человек) располагалась примерно четверть промышленного пролетариата страны. Половина же промышленных рабочих располагалась в средних и мелких городах и поселениях городского типа (от 2 тыс. до 100 тыс. человек). Ещё четверть проживала в сельских общинах, что отражало процесс недавно завершившегося промышленного переворота⁴¹. При некотором внешнем сходстве размещения германского и российского пролетариата следует выделить принципиальные различия: в 42 крупных городах Германии были сконцентрированы более 2 млн рабочих, составлявших почти 40% самостоятельного городского населения, тогда как в 19 крупных городах России массив промышленных рабочих был примерно вчетверо меньше⁴².

Но отличия не ограничивались количественными показателями. Рост массива рабочих, чьи характеристики соответствовали требованиям индустриальной эпохи, ограничивался невысоким уровнем подготовки рабочих кадров в России⁴³. Между тем, например, секрет успеха подготовки таковых в Германии был связан с тем, что к 1914 г. там все дети с 6 до 14 лет были обязаны обучаться в восьмилетних государственных общеобразовательных школах. В силу этого многочисленные низшие профессиональные школы в Германии были рассчитаны на молодых людей, уже окончивших курс восьмилетней школы.

³⁹ Кирьянов Ю.И. Изучение классового сознания рабочих России конца XIX – XX вв. // Историк и время. 20–50-е годы XX в. М., 2000. С. 61.

⁴⁰ Подсчитано по: Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия России в 1917 г. М., 1964. С. 16–17.

⁴¹ Подсчитано по: Воблый К. Третья профессионально-промысловая перепись в Германии. Киев, 1911. С. 407, 409, 418.

⁴² Подсчитано по: Там же. С. 408, 410, 417.

⁴³ См., например: Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М., 1981. С. 140; Фельдман М.А. Уровень образования промышленных рабочих России и СССР в 1900–1941 гг. // Вопросы истории. 2007. № 10. С. 13–30.

Естественно, профессиональные школы могли сосредоточиться на технических и специальных дисциплинах для конкретной отрасли. Черты обязательности были присущи не только общеобразовательному обучению, но и системе профессиональной подготовки рабочей молодёжи⁴⁴, что придавало отличиям значительной части российского рабочего класса от промышленных рабочих развитых стран Запада качественный характер.

На формировании слоя индустриальных рабочих сказались отсутствие в России закона об обязательном начальном образовании и государственных программ технического образования рабочих, слабость профсоюзного движения. Власть допустила очевидное промедление с внедрением уже принятых в 1912 г. законов о страховании рабочих. К июлю 1914 г. правом на страхование могли воспользоваться только 54% рабочих и служащих крупной промышленности; на 1 апреля 1916 г. — 62%⁴⁵. Как известно, между изданием правового документа и его реализацией чаще всего лежит немалый срок. В целом в период войн и революций рабочие вступали разобщёнными по степени социальной защиты, имущественным правам, условиям жизни, качеству трудовой деятельности.

Сблизить различные социальные слои рабочих могла дальнейшая модернизация экономики страны, но этому помешала Первая мировая война, изменившая весь ход истории России. Сколь велики были изменения в составе рабочих в годы войны? В исторической литературе высказаны различные мнения по этому поводу. Диапазон оценок итогов мобилизации достаточно велик: от трети промышленных рабочих⁴⁶ до значительно меньшей — 20%⁴⁷, что обусловлено различными принципами статистического учёта призывников. Отмечалось, что по отношению к мужской части рабочего класса военные изъятия составляли 20–25%, а по отношению ко всему довоенному пролетариату — 15–19%. На первый взгляд, это сравнительно небольшие цифры, но, учитывая недостаточную общую численность рабочего класса в России и особенно обученного, легко понять, как тяжело отразилось всё это на его качественном составе⁴⁸. Так, по данным 36 крупнейших заводов Петрограда, убыль рабочих в среднем составила не менее 25%. Обратим внимание и на то, что «механизм предоставления отсрочек действовал с перебоями даже в Петрограде»⁴⁹. Масштаб мобилизации в ЦПР составлял 20–28% мужчин⁵⁰, на Урале — до 30%⁵¹.

⁴⁴ Кидд В.А. Пути и формы распространения профессиональных знаний. Пг., 1916. С. 102–105. См. также: *Погожев А.В.* Фабричный быт Германии и России. М., 1882. С. 35. Автор, в частности, сообщает о законе от 16 мая 1853 г., согласно которому для допущения подростка к фабричной работе требовалось свидетельство о его удовлетворительных школьных познаниях. Закон требовал исправного посещения школы подростками в возрасте от 12 до 14 лет по крайней мере 3 часа в день.

⁴⁵ См.: *Фалькова Ж.З.* Страхование рабочих накануне и в годы Первой мировой войны (до февраля 1917 г.) // Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1968. С. 354–359, 366.

⁴⁶ *Гильберт М.* К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны // История пролетариата СССР. 1934. № 2. С. 211.

⁴⁷ *Дробизhev В.З., Соколов А.К., Устинов В.А.* Рабочий класс советской России в первый год пролетарской диктатуры. М., 1975. С. 33.

⁴⁸ *Волобуев П.В.* Указ. соч. С. 20.

⁴⁹ Рабочий класс в России 1907–1917 гг. С. 247.

⁵⁰ *Трукан Г.А.* Октябрь в Центральной России. М., 1967. С. 17.

⁵¹ Подсчитано по: Государственный архив Свердловской области (далее — ГА СО), ф. 1-р, оп. 1, д. 200, л. 1; ф. 73, оп. 1, д. 108-а, л. 131–149.

Подводя итог, можно сказать, что диапазон призванных в армию промышленных рабочих России, скорее всего, может быть определён в рамках от 600 тыс. до 1 млн человек (20–33% численности довоенного промышленного пролетариата). В любом случае мобилизация 1914–1917 гг. способствовала деклассированию пролетариата, так как в армию попала значительная часть квалифицированных рабочих.

Оценка такого явления неоднократно звучала в советской исторической литературе. Для исследователей было очевидно, что произошло ухудшение качественных характеристик промышленных рабочих⁵². Конечно, приходилось оглядываться на идеологические каноны («рост рабочего класса в годы войны, вовлечение в промышленную деятельность к 1917 г. более 1 млн новых рабочих являлись, несомненно, прогрессивным явлением большой важности»⁵³), но историки тут же добавляли: «Война... оказала крайне отрицательное влияние на качественный состав (промышленного пролетариата. — *М.Ф.*) как в физическом, так и в особенности в социальном отношении»⁵⁴. Отвлечённые на службу рабочие преимущественно пребывали в тыловых подразделениях, но возвращение их из войск шло в России гораздо тяжелее, чем в других странах, носило запоздалый характер, проводилось в форме частных, а не плановых мер⁵⁵.

Обратим внимание на факт, в советской историографии обычно звучавший приглушённо: в годы Первой мировой войны рабочие коллективы Петербурга захлестнуло «второе крестьянское пришествие». Только так можно расценить преобладание крестьян (50–75%) в общей массе новых пополнений⁵⁶. Этот факт трактовался как преобладание в составе новых пополнений рабочих коллективов «мелкобуржуазных представителей». Ещё одним социальным потрясением для условий труда и быта работников промышленности стало стихийное массовое перемещение десятков тысяч рабочих с частновладельческих предприятий на казённые заводы и фабрики, где существовала броня от призыва в армию. Например, причина роста численности рабочих казённых горнозаводских округов Урала (с 51 438 до 108 090 человек) была очевидна: впервые в истории предприятий 60% рабочих Ижевского завода (крупнейшего на Урале, где были сконцентрированы 34,6 тыс. рабочих — почти 10% пролетариата края) и 35% Воткинского составило пришлое население. В то же время численность мужчин, занятых в частновладельческих и посессионных округах, сократилась с 174,3 до 111,9 тыс.⁵⁷

Таким образом, внутри категории рабочих казённых округов — казалось бы, наиболее благополучной социальной группы рабочего социума⁵⁸ — ока-

⁵² См.: *Волобуев П.В.* Указ. соч. С. 19; *Баевский Д.А.* Рабочий класс в первые годы советской власти (1917–1921 гг.). М., 1974. С. 242–243.

⁵³ *Волобуев П.В.* Указ. соч. С. 18.

⁵⁴ Там же. С. 19.

⁵⁵ *Гриневицкий В.И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1922. С. 19.

⁵⁶ *Лейберов И.П.* На штурм самодержавия. Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 г. — март 1917 г.). М., 1979. С. 17.

⁵⁷ Подсчитано по: ГА СО, ф. 1, оп. 1, д. 108-а, л. 131 об. — 149; д. 1, л. 1; *Рафиков И.К.* Численность рабочих горнозаводской и фабрично-заводской промышленности Урала в 1917–1918 гг. // Актуальные вопросы развития промышленности и рабочего класса Урала в переходный период. Свердловск, 1988. С. 33–34; *Дмитриев П.Н., Куликов К.И.* Мятеж в Ижевско-Воткинском районе. Ижевск, 1992. С. 11.

⁵⁸ См.: *Фельдман М.А.* Ижевско-Воткинское рабочее восстание сквозь призму социальной истории // Российская история. 2012. № 3. С. 13–30.

зались как местные жители, сохранившие дом, семью, огороды и т.п., так и пришлые, ставшие классическими пролетариями. Но если до 1914 г. кадровые рабочие представляли подавляющее большинство, то к 1917 г. соотношение заметно изменилось не в их пользу. Замечание, касающееся не только Урала. И даже в официальных публикациях советской эпохи звучало признание того, что уже «первые мобилизации существенным образом отразились на производстве, ибо в армию попала значительная часть квалифицированных рабочих, даже в металлообрабатывающей промышленности»⁵⁹. Ухудшение качественного состава рабочего класса России в 1914–1917 гг. коснулось всех его социальных характеристик⁶⁰, отмечал другой, казалось бы, вполне идеологически выдержанный труд. «За кадром» оставался вопрос: какой же тогда рабочий класс в 1917 г. был нацелен на революционные завоевания?

Однако главной проблемой для социума промышленных рабочих стала даже не столько очевидная маргинализация рабочих коллективов, сколько милитаризация труда, резко ухудшившая положение на производстве. В совокупности с введением обязательных сверхурочных работ, сокращением числа праздничных и летних «гулевых» дней и другими подобными мерами можно говорить о девальвации системы социальной защиты, откате назад от того потенциала социального партнёрства, который с таким трудом общество нарабатывало за период после 1861 г.

Напряжение от тягот мировой войны, военных поражений, усиливавшаяся убеждённость в её бессмысленности вызывали в рабочей среде растущее недовольство⁶¹. В сочетании с консолидацией политической оппозиции⁶², нарастанием антивоенной пропаганды социалистических партий и другими факторами это создало предреволюционную ситуацию. Поводом для взрыва антиправительственных настроений рабочих Петрограда в конце февраля 1917 г. стало нарушение продовольственного снабжения. Но подлинными причинами оказались все вышеперечисленные особенности столичного пролетариата, умноженные на потрясения военных лет.

Тем не менее главным детонатором событий 1917 г. стала армия, где, как уже отмечалось, оказались до 1 млн рабочих. Армия представляла собой гигантскую социальную массу: на фронте солдат и офицеров насчитывалось 9620 тыс.; ещё 1.5–2.3 млн находились в запасных частях военных округов. Части действующей армии понесли потери, пережили тяготы отступления и поражений. Наиболее частым диагнозом тех, кто успел повоевать, был психический невроз; многие фронтовики были подвержены депрессивному состоянию⁶³.

За второе полугодие 1914–1916 гг. в вооружённые силы были призваны 12.75 млн новобранцев, в том числе 600–650 тыс. поляков, 400 тыс. евреев, 350 тыс. грузин, 350 тыс. азербайджанцев, 250 тыс. литовцев, 180 тыс. латышей, 120 тыс. армян, 100 тыс. эстонцев. Общее количество солдат-мусульман

⁵⁹ Рабочий класс в России 1907–1917 гг. С. 246–247.

⁶⁰ Баевский Д.А. Указ. соч. С. 243.

⁶¹ Поршнева О.С. Указ. соч. С. 165–174.

⁶² Айрапетов О.Г. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). М., 2003. С. 105, 151–156.

⁶³ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 472, 477.

составило 1 млн человек⁶⁴. В такой ситуации (нередкий случай в истории империй) дисциплина в многонациональной армии могла сохраниться только в условиях успешных боевых действий. Масштаб дезертирства⁶⁵ свидетельствовал об обратном. В результате массив рабочих, призванных в армию, оказался под прямым воздействием антигосударственной агитации всех видов. После Февральской революция угнетённое состояние военнослужащих стремительно сменилось социальной эйфорией. Приказ № 1 превратил её в саморазрушающий процесс⁶⁶. Армия не желала больше воевать — и любая власть, монархическая, либеральная или какая-то иная, продолжающая войну, — становилась враждебной помехой. Судьба власти попала в зависимость от решения вопроса о войне.

В исторической литературе советского периода доминировали утверждения о том, что законы о труде, принятые Временным правительством, были направлены против коренных интересов рабочего класса⁶⁷. Однако отрицание любых позитивных сдвигов наталкивалось на вопрос: чем же тогда можно объяснить преемственность указанных документов с трудовым законодательством советского и белогвардейских правительств?⁶⁸

Новая эпоха приносит новые оценки: современная исследовательница события весны 1917 г. называет опытом социального реформирования, пришедшимся на благоприятный период взаимных уступок рабочих и предпринимателей⁶⁹, поскольку, в свете прихода к власти либералов и, вскоре, умеренных социалистов, существовала возможность сузить поле и накал трудовых конфликтов. Но была ли использована эта возможность?

Как известно, Временное правительство учредило при Министерстве торговли и промышленности особый отдел труда, приступивший к работе с 15 марта 1917 г. Не сразу, но рабочие и предприниматели получили в нём равное представительство⁷⁰. В апреле отдел был преобразован в Министерство труда, ставшее официальным руководителем и проводником рабочей политики. Фактическим его лидером был сторонник тред-юнионизма меньшевик П.Н. Колокольников; официальным — эсер М.И. Скобелев. Программа нового ведомства была развёрнута в их выступлениях на I Всероссийском съезде Советов и в резолюциях съезда. Министерство брало на себя следующие обязательства: максимально быстро выработать и издать декреты о 8-часовом рабочем дне, об учреждении примирительных камер; создать комиссии по установлению заработной платы, сеть бирж труда; устранить недостатки страховых законов 1912 г.⁷¹ Таким образом, в России по примеру передовых капиталистических стран был создан институт, позволявший превратить социальную политику в сфере труда в составную часть

⁶⁴ Булдаков В.П. Хаос и этнос. Этнические конфликты в России 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарии, анализ. М., 2010. С. 22, 26.

⁶⁵ Астахов А.Б. Дезертирство и борьба с ним в царской армии в годы Первой мировой войны // Российская история. 2011. № 4. С. 44–52.

⁶⁶ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч.

⁶⁷ Баева Л.К. Социальная политика Октябрьской революции. М., 1977. С. 28.

⁶⁸ См.: Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1914 гг.: численность, состав, социальный облик. Екатеринбург, 2001. С. 65–66.

⁶⁹ Орлова Н.Е. Социальная политика Временного правительства. Март–октябрь 1917 г. // К истории русских революций. События, мнения, оценки. М., 2007. С. 351.

⁷⁰ Волобуев П.В. Указ. соч. С. 110–112.

⁷¹ Там же. С. 196–199.

экономической стратегии. Выполнение заявленной программы могло лишить леворадикальные партии возможности расширить своё влияние на массы.

Уже в марте 1917 г. Временное правительство пошло на содействие в развитии профсоюзов, примирительных учреждений, бирж труда. Однако вскоре стало очевидным отсутствие у него концепции в сфере трудовых отношений, что ярче всего проявилось при обсуждении вопроса о 8-часовом рабочем дне. Узаконив таковой в столице, правительство уклонилось от его введения по всей России после того, как с резким протестом выступили представители капитала⁷². Курс правительства оказался, бесспорно, недалёковидным: оно не имело реальных сил помешать введению 8-часового дня на местах, а оттягивая решение назревшего вопроса, лишь способствовало углублению и расширению конфликтов между рабочими и предпринимателями.

12 апреля правительство приняло закон, провозглашающий (с некоторыми ограничениями) свободу собраний и союзов. Прерогативы профсоюзного движения были существенно расширены принятием 23 апреля «Положения о рабочих комитетах». Оно узаконило статус ФЗК, определило их функции представительством материально-бытовых и культурных нужд рабочих перед предпринимателями и правительством⁷³. Фактически оказались легитимизированы уже возникшие органы.

Ещё в 1964 г. П.В. Волобуев отметил: одним из побудительных мотивов принятия закона о фабзавкомах было намерение создать орган местного рабочего представительства, способствующий мирному урегулированию конфликтов между предпринимателями и рабочими⁷⁴. Однако в советское время мирное урегулирование взаимоотношений «антагонистических» социальных слоёв рассматривалось как «соглашательство и отступление от революционности»⁷⁵.

Обоснованно отмечается стихийный характер появления и распространения ФЗК и то, что они с самого начала стали ареной острых столкновений противоборствующих политических группировок⁷⁶. Но кто же стал инициатором радикализации этих органов? Их деятельность находилась под контролем Советов. Социалисты всех видов, прежде всего большевики, принимали энергичные меры по усилению своего влияния в фабзавкомах (что совпало с процессом постепенной большевизации Советов). Именно под влиянием леворадикальных сил на рубеже весны—лета 1917 г. ФЗК были поставлены перед задачей «перехода от защитных функций к рабочему контролю»⁷⁷ в контексте отрицания всей системы ценностей буржуазного общества. Бесспорно, государственные структуры власти должны были учитывать рост влияния комитетов и гибко выстраивать отношения с ними.

Ещё одной формой социального диалога могли и должны были стать примирительные учреждения (камеры), получившие широкое распространение в странах Западной Европы и ставшие там важной составляющей

⁷² Там же. С. 110—115.

⁷³ Собрание узаконений Временного правительства. 1917. № 98. С. 540; № 100. С. 551.

⁷⁴ Волобуев П.В. Указ. соч. С. 327.

⁷⁵ История советского рабочего класса. Т. 1. М., 1984. С. 57.

⁷⁶ Там же. С. 57.

⁷⁷ Там же. С. 50, 56, 70—71.

государственной политики в 1890-е гг.⁷⁸ В России пункты о создании примирительных камер, способных смягчать острые классовые конфликты на производстве, были включены в программные документы левобуржуазных партий, а затем и меньшевиков. С принятием 5 августа 1917 г. «Положения о примирительных камерах» появилась и законодательная основа для установления социального партнёрства на промышленных предприятиях. Летом в стране наметилась тенденция к организации примирительных камер при отраслевых профсоюзах и их объединению.

III Всероссийская конференция профсоюзов (20–28 июня) рекомендовала всемерно содействовать организации примирительных камер⁷⁹. Так рождался один из видов социального партнёрства. На многих предприятиях примирительные учреждения в марте–июне выполнили свою задачу — направляли процесс трудовых отношений в правовое русло и предотвращали проявления самоуправства с обеих сторон⁸⁰. С помощью примирительных камер и их взаимодействия с Советами удалось стабилизировать производственную деятельность предприятий. Однако большевистские организации подталкивали рабочих к более жёстким методам борьбы, что отрицательно сказалось на утверждении в социальной практике примирительных процедур. В конечном итоге роль примирительных камер оказалась довольно скромной.

Отсутствие повсеместной примирительной системы сказалось на переговорах о повышении заработной платы. Определённый успех они имели во многом благодаря деятельности специальной комиссии Временного правительства. Сами предприниматели оценивали увеличение заработной платы весной 1917 г. в 50% по сравнению с дофевральским периодом⁸¹. Им было несвойственно уменьшать размер уступки, и с этими цифрами можно согласиться. Особенно сильно возросла оплата труда низкооплачиваемых категорий (на 150–200%). В результате произошло выравнивание оплаты труда между квалифицированными и неквалифицированными категориями, характерное для уравнилельных тенденций всякой народной революции.

В целом за первые четыре послефевральских месяца Временное правительство по количеству различных законодательных актов в сфере трудовых отношений превзошло всех своих предшественников, издав более полдюжины различных декретов. Был утверждён 8-часовой рабочий день, частично повышена заработная плата, улучшены общие условия труда, расширены права рабочих на производстве. Рабочие организации превратились в большую силу на предприятиях. Удалось не только затормозить падение производства, но и несколько поднять его⁸².

Однако и цены с февраля по июнь выросли на 50% и повышение заработной платы оказалось поглощено. Июнь явился поворотным пунктом: увеличение номинальной платы по ряду причин (в первую очередь вследствие возрастания сопротивления предпринимательских организаций) замедлился,

⁷⁸ *Войтинский И.* Примирительные камеры на Западе. М., 1917. С. 14, 16, 20.

⁷⁹ *Ходяков М.В.* Социальное партнёрство в 1917 г. (опыт примирительных камер Петрограда) // Материалы межвузовской научной конференции «Февральская революция в России и современность» (к 80-летию юбилею Второй российской революции). СПб., 1997. С. 40.

⁸⁰ *Абрамовский А.П., Буданов А.В.* Горные округа Южного Урала в 1917–1918 гг. С. 47–48, 51.

⁸¹ *Волобуев П.В.* Указ. соч. С. 136.

⁸² Там же. С. 137–143.

реальная же зарплата начала резко падать. Промышленники стремились увязать процесс повышения оплаты с повышением производительности труда или, по крайней мере, с выводом производительности труда на уровень 1916 г. Рабочие же доказывали невозможность такого повышения в силу изношенности технического оборудования и утраты части квалифицированных кадров⁸³.

Переговорный процесс продолжался до июля 1917 г. и позволил заметно сократить масштаб забастовочного движения. Статистика свидетельствует, что с 19 апреля по 6 июля в забастовках приняли участие лишь менее $\frac{1}{6}$ части рабочих промышленности. Незначительным было и количество бастующих на закрытых предприятиях (с марта по август) — примерно 3% от их общей численности⁸⁴. Анализ статистических материалов забастовочного движения за период 1895—1917 гг. даже с учётом неполноты данных свидетельствует, во-первых, о снижении в разы числа бастующих и потерянных рабочих дней в марте—сентябре 1917 г. не только в сравнении с январём—февралём того же года, но и с 1916 г.⁸⁵ А факт того, что 70.7% потерянных из-за стачек и забастовок рабочих дней в марте—сентябре 1917 г. приходилось на протестные акции экономического характера⁸⁶, подтверждает тезис о самостоятельности интересов и действий рабочего социума в стремительных событиях революции. Наконец, если в дореволюционный период (1895—1916 гг.) доля забастовок, закончившихся для рабочих безрезультатно, составляла 40.7%, то в марте—сентябре 1917 г. она снизилась до 28% (по стачкам эти показатели соответственно равнялись 34.9 и 23.1%)⁸⁷.

Неустойчивость достигнутого в марте—июне 1917 г. социального партнерства определялась рядом факторов. Сказывались слабость профсоюзного движения, сохранение очагов социального напряжения в заводских поселках, где предприятия в период войны переживали кризис. Принимаемые правительством законы о труде (например, о биржах труда, примирительных камерах) носили догоняющий характер, закрепляя то, что уже существовало. Но согласие, вырванное силой, вне переговорного контекста, потенциально чревато ростом социальной напряжённости. Главной же проблемой в отношениях Временного правительства и рабочих оставался вопрос о продолжении войны. Сама концепция экономической политики новой власти брала за образец опыт жёсткого государственного регулирования в Германии и России. Реализация законов о труде наталкивалась на милитаризацию экономики и массовые призывы в армию.

Тем не менее при всей своей сложности и противоречивости социально-политическое развитие марта—июня 1917 г. свидетельствовало о возможности и даже частичном успехе диалога рабочих и органов власти в рамках правового поля. Анализ социальной политики Временного правительства, пусть непоследовательной и запаздывающей, подтверждает оценку Февральской революции как «демократической».

⁸³ Там же. С. 17.

⁸⁴ Орлова Н.Е. Указ. соч. С. 354.

⁸⁵ Наёмный труд в России и на Западе. 1913—1925 гг. / Под ред. С.С. Струмилина. Ч. 1. М., 1927. С. 152.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. С. 157.

В то же время, без сомнения, промышленные рабочие России оценивали не только содержание трудового законодательства, но и его исторический контекст. Правительство, продолжая непопулярную войну, заведомо ставило себя в трудное положение. Стремительную потерю доверия населения невозможно было компенсировать качеством законотворчества; новации весны—лета 1917 г. оказались существенно девальвированы. Увы, в очередной раз подтвердилась излишняя зависимость всей внутренней политики России от внешнеполитического курса власти.

Это был главный просчёт правительства — и его целенаправленно использовали леворадикальные силы. Установление контроля над ФЗК передало мощный рычаг воздействия на рабочие массы в руки большевиков⁸⁸, которые последовательно отвергали и извращали рациональные элементы социальной политики зарождающейся демократической республики. Курс на усиление конфронтации, разжигание классовой борьбы, нацеливание рабочих организаций на захват власти затрудняли обсуждение проектов законодательных актов в сфере труда, лишали реального наполнения принятые документы. Фабзавкомы превратились в барьер на пути реализации законодательства в сфере трудовых отношений.

Но какая же часть промышленных рабочих России вступила в конфронтацию с властью? Сильной стороной большевиков в 1917 г. стала способность сфокусировать и возглавить социальный протест пролетарских слоёв рабочего класса (тезис, заметим, разделяемый не только большинством современных историков⁸⁹, но и многими западными исследователями⁹⁰). Этим можно объяснить, например, тот факт, что к октябрю 1917 г. более 80% всех пролетариев столицы в той или иной степени поддерживали большевистский курс⁹¹. Однако возникает вопрос: какая часть приняла *активное* участие в событиях конца октября 1917 г.? Известна точка зрения, согласно которой петроградский пролетариат, за исключением отдельных отрядов рабочих-активистов и красногвардейцев, не участвовал в октябрьском вооружённом восстании⁹². Проверить её можно, установив численность Красной гвардии, комплектовавшейся непосредственно из рабочих.

Аксиомой для публикаций советского времени были утверждения о ней как о «передовом отряде армии пролетарской революции»⁹³. Цифра её численности — не менее 200 тыс. вооружённых рабочих⁹⁴ — превратилась в неоспоримую догму. Правда, в 1960—1980-е гг. исследователи⁹⁵ начали выделять два массива красногвардейцев: количество первых удалось установить

⁸⁸ Чураков Д.О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998. С. 50, 56.

⁸⁹ См.: Материалы «круглого стола» «Февральская революция 1917 г. в российской истории» 15 марта 2007 г. в ИРИ РАН // Отечественная история. 2007. № 5.

⁹⁰ См.: Согрин В.В. Осмысливая советский опыт. О новейших трудах по истории XX в. // Общественные науки и современность. 1999. № 3. С. 116.

⁹¹ Соболев Г.Л. Петроградский авангард в 1917 г.: революционная борьба и революционное сознание рабочих Петрограда. СПб., 1993. С. 24—25.

⁹² Яров С.В. Пролетарий как политик. СПб., 1999. С. 7.

⁹³ Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г. Красная гвардия — ударная сила пролетариата в Октябрьской революции: По материалам Центрального промышленного района, Урала и Поволжья. М., 1977. С. 15. Наиболее полно эта концепция изложена в трёхтомной истории Октябрьской революции: Минц И.И. История Великого Октября. Т. 1—3. М., 1967, 1968, 1973.

⁹⁴ Минц И.И. Об освещении некоторых вопросов истории Великой Октябрьской революции // Вопросы истории. 1957. № 2. С. 33.

⁹⁵ См., например: Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г. Указ. соч. С. 12.

на основании документальных источников и исторической литературы, вторых — лишь предположительно. Однако в научной литературе фигурировала суммарная величина научных подсчётов и гипотетических предположений. Так, число установленных красногвардейцев накануне 25 октября 1917 г. составляло в Москве 3.5 тыс., «предполагаемых» — 5 тыс., «всего» получалось 8.5 тыс., в Центральном промышленном районе — соответственно 8, 14 и 22 тыс., на Урале — 3, 5 и 9 тыс. Несложно заметить, что число *документально установленных* красногвардейцев было почти втрое меньше абстрактной «общей величины». В 404 отрядах Красной гвардии — большинстве её подразделений в европейской части страны (за исключением Петрограда) — «общая величина» определялась в 47.5 тыс. красногвардейцев, реально установленных же было всего 18 тыс.⁹⁶

Согласно данным официальной советской литературы, накануне Октября численность Красной гвардии составляла по России 75 тыс. человек, а в дни восстания — 200 тыс., в том числе 40 тыс. в Петрограде⁹⁷. Крупнейший специалист по этой проблеме В.И. Старцев ещё в 1965 г. в весьма осторожной форме отметил завышенность этих цифр, отчасти в силу смешения понятий «рабочая милиция», «заводская рабочая милиция» и собственно «Красная гвардия». По его подсчётам, накануне октябрьских событий в 53 городах и промышленных центрах числилось около 26 тыс. красногвардейцев, в том числе в Петрограде — 20 тыс. (из которых 18 тыс. были вооружены), в Москве — 4 тыс. человек⁹⁸. Следует задуматься над приведёнными цифрами — немногочисленность участия рабочих России (за исключением питерского пролетариата) в захвате власти очевидна. Даже в «юбилейном» исследовании 1957 г. отмечалось, например, что военно-техническая подготовка восстания в Москве была значительно слабее, чем в Петрограде, а Красная гвардия — сравнительно малочисленна и плохо вооружена⁹⁹. Из официальных данных видно ещё и то, что две трети красногвардейцев Петрограда были призваны в ряды Красной гвардии уже непосредственно в дни переворота. Вряд ли можно говорить о взвешенном, продуманном выборе рабочих в обстановке многодневных экзальтированных митингов¹⁰⁰.

Внимательное прочтение обстоятельного труда, посвящённого составу Красной гвардии Петрограда, позволяет сделать выводы, сознательно заретушированные в советской историографии, прежде всего уточнить данные о численности и вооружении красногвардейцев Петрограда к началу октябрьских событий. Автор на основе учёта всех имеющихся источников насчитал в столице к 23 октября 1917 г. 20 тыс. красногвардейцев¹⁰¹. За 23—31 октября в отряды Красной гвардии вступили ещё 12 тыс. человек и на 31 октября в ней насчитывалось 32 тыс. Из них только 8—10 тыс. красногвардейцев приняли непосредственное участие в вооружённом восстании и 4—5 тыс. — в борьбе с восставшими юнкерами¹⁰². Как видим, активное

⁹⁶ Там же. С. 114.

⁹⁷ История советского рабочего класса. Т. 1. С. 81, 116.

⁹⁸ Старцев В.И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.; Л., 1965. С. 195, 292.

⁹⁹ Ерыкалов Е.Ф. Красная гвардия в борьбе за власть Советов. М., 1957. С. 58.

¹⁰⁰ Революционный Петроград. Год 1917. Л., 1977. С. 367—368.

¹⁰¹ Старцев В.И. Очерки... С. 195, 228.

¹⁰² Там же. С. 200.

вооружённое участие в революционных событиях приняла примерно половина красногвардейцев столицы.

Исследователи осторожно, в косвенной форме отмечали наличие внутри отрядов Красной гвардии двух различных по статусу и положению массивов: кадровые и остальные. При этом руководящие органы гвардии были против создания её постоянных кадров¹⁰³. Характерно, что, к примеру, в Москве общая численность красногвардейских отрядов после октябрьских боёв составляла около 12 тыс. человек. Спустя месяц это число не превышало 2 550¹⁰⁴, что позволяет отнести их к разряду «кадровых».

В советской научной литературе фигурируют утверждения о слабом вооружении красногвардейцев даже на оборонных заводах (например, Ижевском)¹⁰⁵, сведения об их фрагментарной военной подготовке¹⁰⁶, вследствие чего они выполняли главным образом милицейские функции¹⁰⁷. В них преобладали молодые, политически неопытные люди. Так, 54% красногвардейцев столицы были моложе 25 лет, а 29% — не старше 20 лет. Только 29.9% красногвардейцев родились в Петрограде, подавляющую часть остальных составляли уроженцы сельской местности. Характерно, что на подавление первых антибольшевистских выступлений в ноябре—декабре 1917 г. были посланы ещё более молодые рабочие: 47.8% красногвардейцев оказались не старше 20 лет, а 73% — моложе 25 лет¹⁰⁸. Обобщающие данные по Москве, Центральному промышленному району, Поволжью и Уралу показали, что и здесь основу отрядов Красной гвардии (81%) составляли люди возрастом до 30 лет¹⁰⁹.

Обобщив сказанное, получим, что в целом рабочие России довольно сдержанно откликнулись на призыв вступать в отряды Красной гвардии. Определённым исключением являлся Петроград, где среди красногвардейцев преобладали молодые рабочие, уроженцы сельской местности. Именно в этой социальной группе большевистская пропаганда нашла горячий отклик: почти половина красногвардейцев являлись членами РСДРП(б)¹¹⁰.

Однако в политическом перевороте Красная гвардия сыграла лишь вспомогательную роль, решающая же досталась на долю войск. Как известно, единственным политическим руководителем солдат тыловых гарнизонов (с 1 марта 1917 г. в Петрограде, с 6 марта — по всей стране) выступали Советы рабочих и солдатских депутатов¹¹¹. Мысль о значительной, даже решающей роли солдатских масс в событиях 1917 г. прочно укоренилась в современной научно-исследовательской литературе¹¹².

¹⁰³ Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г. Указ. соч. С. 179.

¹⁰⁴ Там же. С. 178.

¹⁰⁵ Там же. С. 63.

¹⁰⁶ Ерыкалов Е.Ф. Указ. соч. С. 41—42.

¹⁰⁷ См.: Журухин А.Н. Формирование и деятельность отрядов милиции, боевых дружин и Красной гвардии в ЦПР в марте—октябре 1917 г. Ярославль, 2010. С. 21—22.

¹⁰⁸ Старцев В.И. Очерки... С. 267—268, 282.

¹⁰⁹ Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г. Указ. соч. С. 119.

¹¹⁰ Старцев В.И. Очерки... С. 261.

¹¹¹ Старцев В.И. Революция и власть (Петроградский совет и Временное правительство в марте—апреле 1917 г.). М., 1978. С. 48—52, 66—67.

¹¹² См., например: Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

Характерным можно считать такое положение: в Москве в октябрьских событиях участвовали 20 тыс. солдат и 5 тыс. вооружённых рабочих, при этом последние были полностью вооружены только 28–29 октября¹¹³. Аналогичная картина наблюдалась и в Петрограде: основу наступающих на Зимний дворец отрядов составили солдаты трёх полков гарнизона и матросы 2-го гвардейского экипажа¹¹⁴.

Октябрьский переворот в столице был только верхушечным явлением социальной революции в России. Тяготы мировой войны обусловили преимущественно антивоенный его формат: выбраться из воронки цивилизационной катастрофы страна могла уже только путём одностороннего выхода из войны. Все достижения довоенной модернизации (равно как и её издержки)¹¹⁵ в конкретно-исторической ситуации осени 1917 г. отошли на второй план. Антивоенный формат революции объединил требования по рабочему, крестьянскому и национальному вопросам, отражённые в первых декретах советской власти.

В мифологизированной советской истории эти документы получили название «первых социалистических преобразований». Однако даже беглый их анализ доказывает: ни о какой «пролетарской революции» речи идти не может. Сейчас стало ясно: словесная эквилибристика советского официоза заслонила как общедемократические нарративы, реальное воплощение которых зависело от целого комплекса обстоятельств, так и сущностное: «синергетический (а не линейный) процесс самосохранения сложно-организованной имперской системы»¹¹⁶. Фраза «большевики отнюдь не стали разрушать старую управленческую машину, а просто направили в соответствующие ведомства своих комиссаров»¹¹⁷ знаменательна и относится не только к событиям первых послеоктябрьских месяцев. Воинственность коммунистической идеологии, направленной на разрушение старого мира на всей планете, стала своеобразной базой возрождения Российской империи в оболочке социалистических одежд и лозунгов пролетарского интернационализма.

Быстрый захват власти в столицах леворадикалами, опиравшимися на многочисленные армейские и флотские части и поддержку части промышленных рабочих Петрограда и Москвы, наиболее продуктивно трактовать как *политический переворот в рамках антивоенного движения*. Длительный (осень 1917 — зима 1918 г.) переход власти в руки большевиков в провинциях России осуществлялся прежде всего с помощью распадающейся, но всё ещё многочисленной армии, при незначительной поддержке рабочих, немногочисленных большевистских организаций и отрядов Красной гвардии. Эти события, вызвавшие консолидацию и активное сопротивление антибольшевистских сил, можно определить как начальный период Гражданской войны.

¹¹³ Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г. Указ. соч. С. 10, 135.

¹¹⁴ Революционный Петроград. Год 1917. С. 339.

¹¹⁵ Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. М., 2013. С. 27–29.

¹¹⁶ Материалы «круглого стола» «Российские революции: 90 лет спустя» 23 и 30 октября 2007 г. в ИРИ РАН // Отечественная история. 2008. № 6. С. 170–173.

¹¹⁷ Буддаков В.П., Леонтьева Т.Г. Указ. соч. С. 666.